

О ДВУХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУППАХ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ *

В. А. ИВАНОВ,

*заведующий сектором записи и обработки документов
Научной библиотеки ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова»
(г. Москва, РФ)*

Подзывы, детские слова и их периферийное положение

В статье рассмотрены две группы лексики, которым исследователи уделяют мало внимания, – слова клича и отгона животных (подзывные слова, подзывы) и слова детской речи (детские слова). Материал собран в ходе работы автора в составе лингвистических экспедиций в Горномарийский район Республики Марий Эл (с. Кузнецово, д. Кукшилиды, д. Тюманово) в 2016 г.

Хотя живые народные говоры богаты подзывными словами, в литературный язык попадают и становятся общеупотребительными лишь единицы из них. Так, в «Словаре русских народных говоров» подобных слов насчитывается 246, в «Ярославском областном словаре» – 458, однако в «Словаре современного русского литературного языка» их чуть больше десяти [14, 4; об особенностях фиксации слов клича и отгона в словарях см. также: 24].

В грамматиках подзывные слова упоминаются в связи с междометиями или игнорируются. Традиционно они учитываются при составлении диалектологических атласов, словарей и служат чертой «индивидуального портрета» конкретного говора, но редко становятся объектом специального исследования. Материал ряда финно-угорских и русских говоров анализируется в статье [13]; другие специальные работы по этой теме нам неизвестны. Материалу русских говоров по-

священы статьи [1; 8; 10], раздел в книге [7], диссертация [14].

Так называемые детские слова употребляются в рамках общения взрослых с маленькими детьми и в связи с этим оказываются противопоставлены нейтральным («взрослым») словам, выражающим те же понятия. Например, для объяснения того, что такое рус. *бибика* / *бо-бо* / *баю-бай*, можно сказать: то же, что *машина* / *больно* / *спать*, но в особом детском языке. Однако, по меткому замечанию Г. Пауля, детский язык здесь следует понимать как «...язык не детей, а няnek и кормилиц», которые «...объясняются с ребенком с помощью произвольных, намеренных звукоподражаний» [5, 44]. Таким образом, можно сказать, что детские слова (англ. *nursery words*) принадлежат в действительности не речи детей (англ. *child speech*), а особому языковому регистру общения взрослых с детьми (англ. *baby talk*, *child-directed speech*).

Научное изучение детских слов началось, по-видимому, с работ Н. И. Ашмарина [3, 97–99] и Э. Сепира [26]. Детские слова финно-угорских языков с разной степенью подробности и последовательности фиксируются в словарях обычно с пометой «детское». Существует некоторое количество работ по их этимологии [9]; ряд функциональных и лексико-семантических особенностей выделен в статье [12]; составлен словник детских слов марийского языка (более 40 слов) на основе фольклорных и диалектных данных [16, 102–103].

Периферийное положение подзывов и детских слов в науке о языке связано с их расположением на периферии языко-

* Исследования поддерживаются грантом РГНФ № 16-24-17003.

вой системы. Как отмечают В. М. Живов и Б. А. Успенский, противопоставление центра и периферии есть универсальный принцип организации языка, что находит отражение в описаниях: формулируя какое-либо утверждение об устройстве языка, лингвист всегда ориентируется на нормальную речевую деятельность и типичные элементы языка, отвлекаясь от маргинальных явлений. Таким образом, к периферии относятся, во-первых, необычные речевые ситуации, в том числе связанные с особенностями адресата (сюда входят ситуации разговора с детьми и животными); во-вторых, элементы «другой» (неосновной, параллельной) языковой системы (заимствования, подражательные слова, а также подзвывы и детские слова); в-третьих, элементы, выполняющие особые функции в процессе коммуникации (экспрессивная лексика, вокативы, императивы и др.) [11, 24–25]. Подзвывы и детские слова можно отнести к периферии по всем трем указанным пунктам.

Периферийные элементы определяются аномальностью по отношению к центру, т. е. закономерности, характерные для центра, в периферийных классах могут нарушаться. Эти нарушения имеют неслучайный, системный характер, а значит, периферия не только находится в системном отношении к центру, но и сама по себе обнаруживает системную организацию. Тем не менее включение периферийных элементов в общее (ориентированное на центр) описание без учета их иерархического места во всей системе неизбежно приведет к хаотичности такого описания [11].

Мы рассмотрим особенности употребления подзвывов и детских слов в различных ситуациях, выделим основные функционально-семантические группы, а также установим их место в системе горномарийского языка. При этом необходимо учитывать следующую особенность. Подзвывы и детские слова характеризуются «размытостью» звукового облика: внешняя форма одних и тех же слов может варьировать по носителям. Через двойную вертикальную черту || приводятся все варианты, в том числе редкие. В работу включен «уни-

кальный» материал, т. е. полученный от одного-двух носителей и не подтвержденный другими носителями (с соответствующими оговорками). Такой подход оправдан, поскольку подзвывы и детские слова могут принадлежать узколокальной традиции (традиции одной или нескольких семей), но при этом ценность их как материала для исследования данной тематики не снижается.

Подзвывные слова в горномарийском языке

Подзвывные слова, подзвывы – общее название для слов клича (зова, подзывания), отгона (отпугивания), подгона, выгона, загона и других команд для животных. По функции они близки к императивным междометиям с той разницей, что адресованы не людям. Это дало А. М. Пешковскому основание вывести подобные слова за рамки языка «...как системы социальных знаков человеческого общежития» [17, 168]. Такое решение, как кажется, продиктовано не в последнюю очередь аномальными (в отношении к центральным элементам языка) признаками подзвывов. Особенно ярко аномальность проявляется на звуковом уровне, в связи с чем А. А. Реформатский относил названные слова к фактам «неканонической фонетики» [18].

Подзвывы для коров. Обследованному говору горномарийского языка особые слова для клича коров не свойственны, как и рассмотренным нами ранее говорам удмуртского и мокшанского языков [13]. Коров в частном хозяйстве обычно немного (в настоящее время не более одной-двух), и каждая из них получает индивидуальную кличку, которая используется как для клича, так и для установления контакта с животным (например, во время дойки). Существенная часть кличек животных заимствуется из русского языка или мотивирована его словами аналогично ситуации во многих российских финно-угорских регионах [23]. Наряду с кличками типа Ночка, Дочка, Малютка и тому подобными распространены клички, производные от гор-

номарийских слов: *Изишкал* (< *изи ышкал* ‘маленькая корова’), *Ошнер* (< *ош нер* ‘белый нос’), *Ошвуй* (< *ош вуй* ‘белая голова’) и др. При подзыве к кличке часто добавляются слово *толок* ‘иди сюда’ (повелит. накл. от *толаш* ‘приходить’, осложненное показателем *-ок* [19, 190]): *Дочка, Дочка, толок, толок!* ‘Дочка, Дочка, иди-ка, иди-ка сюда!’.

Нами было зафиксировано слово *тпрүси||тпрүсик*, применяемое в основном для подзывания телят, которые кличек еще не имеют. Однако А. А. Саваткова фиксировала также *тпрүкә||тпрүки* в качестве «...междометия зова (призыва)» коров [19, 286]. Наличие особой внесистемной фонемы – губно-губного вибранта типа *тпр-* – характерно для слов кличка и отгона коров и в русском [1], и в финно-угорских языках [13].

В горномарийском языке слово *тпрүси* может использоваться и для названия коровы или теленка (вместо обычных *ышкал* ‘корова’, *презби* ‘теленка’). Подобные ласкательные названия часто звучат в разговоре взрослых с детьми, ср. *Анжы, эргым, тпрүси-влä* (PL) *толат* ‘Смотри, сынок, коровушки (телятки) идут’. Подзывные слова наряду со звукоподражаниями выступают главным источником образования таких детских или бытовых названий животных в финно-угорских языках [13].

Слово *нä-нä-нä* применяют для подмигивания коров (а также лошадей, овец, собак), протягивая им при этом хлеб или другое лакомство; иногда – для подзывания: если корова к нему приучена, она идет на зов. Данная лексема не является специальным подзывом и представляет собой повторение императивного междометия *нä*, которое актуально и в отношении человека (в значении ‘на, возьми’; возможно, связано с глаголом *нäläш* ‘брать’, повелит. накл. *нäl* ‘бери’; ср. *Нä, нäl!* ‘На, бери!’). При этом в чувашском языке *на, на-на-на, ме||ма* отмечаются среди подзывов для коров, коз, собак [21], хотя также имеют значение императивного междометия ‘на, возьми’.

Для отгона коров нет особого слова, хотя такие слова зафиксированы нами в

других финно-угорских языках [13]. Чаще всего в этой функции используется слово *каранг* ‘прочь, уходи’ (повелит. накл. от глагола *карангаш* ‘уходить’), употребляемое при обращении к другим животным (например, к собаке) и людям.

Для подгона коров в стаде (чтобы шли вперед, не задерживаясь) применяется специальное слово *се-се-се*; без повторения оно может быть адресовано одной корове. В отдельных случаях оно же звучит для отгона: например, если при прогоне животное остановилось у ворот какого-либо хозяйства, хозяин кричит *се тишец* ‘марш отсюда’, чтобы оно отошло от ворот и двинулось дальше. А. А. Саваткова фиксирует это слово в форме *сö||се* как «...междометие отгона (отпугивания)» коров [19, 286], а также варианты *сöвичьй, сöгуды||сегуды* (*сö||се + тичьй* ‘загон’, *куды* ‘двор’) как «...слова, употребляемые для того чтобы загнать коров во двор со стада» [20, 252]. О сочетании слов выгона и загона со словами, указывающими направление, см. далее.

Подзывы для лошадей. А. А. Саваткова приводит в качестве подзывов для лошадей слова *ымбо, ындо-ындо, птö-птö-птö* [19, 286], однако в обследованном говоре не удалось зафиксировать особых слов кличка или отгона. Возможно, это связано с тем, что в настоящее время лошадей в частном хозяйстве практически не держат и эти слова могут быть забыты. Кроме того, можно использовать клички.

Для понукания лошади (команда идти вперед) звучит слово *но* (часто с удлинением гласного), как и в русском, удмуртском, мордовских языках. С целью остановить животное применяется слово *тррр* (без гласных призвуков и с обязательным удлинением звука «р»), хотя в других языках ведущую роль играет губно-губной вибрант, ср. в русском «тпру», то же в удмуртском, мордовских языках [13].

Подзывы для овец и коз. Для кличка, созывания овец, реже при подгоне стада употребляется слово *пыйца-пыйца-пыйца*. Ягнят (иногда и овец) подзывают словом *пытъыри-пытъыри-пытъыри*. Данные слова могут также служить на-

званиями соответствующих животных, ср.: *пыйца-м* (АСС) *пырташ* ‘овечек загнать’, *Пытыри-влä* (PL) *толат* ‘Ягнятки идут’ (вместо обычных *шарык* ‘овца’, *пая* ‘ягненок’).

Для выгона, загона, отгона овец зафиксировано слово *тёррр*. Хотя подзвывы обычно употребляются изолированно, вне связи с другими словами, к выражениям выгона и загона могут добавляться слова, указывающие направление (ср. выше *сö||се*). В этой функции выступают наречия (*тёррр токы* ‘марш домой’) или неформленные (т. е. в именительном падеже) существительные (*тёррр карем* ‘марш в овраг’, *тёррр пичёй|тёррбичёй* ‘марш в загон’; ср. также *тырвичёй* [19, 286]). В большинстве случаев именительный падеж не может выражать направление: ср. *пичёй-ш* (ILL) *поктен пырташ* ‘загнать в загон’, *витä-ш* (ILL) *питёрäш* ‘закрыть в хлев (букв. в хлев)’ с направительным падежом; неправильно: **пичёй* (НОМ) *поктен пырташ*, **витä* (НОМ) *питёрäш*.

В других языках с названными словами используется направительный, а не именительный падеж: ср. удм. *ать гид-е* (ILL) ‘марш в хлев’, *ать луд-э* (ILL) ‘марш на поле’ (*ать* – слово выгона и загона овец). В горномарийском языке он тоже допускается: *тёррр карем-ёйш* (ILL), *тёррр карем-ёйшкёй* (ILL) ‘марш в овраг’ (-ёйш, -ёйшкёй – краткая и полная формы направительного падежа).

Подзвывы для овец в горномарийском указывают, по-видимому, на тесную связь с чувашским языком, как и название овцы: *шарык* ‘овца’ < чув. *сурäх* ‘то же’; ср. также *пая* ‘ягненок’ < чув. *путек* ‘то же’, *тägä* ‘баран’ < чув. *така* ‘то же’ [22]. Ср., например, такие чувашские подзвывы, как *пäчча* для клича овец; *пätьäр* для подманивания ягнят; *тär* для подгона овец [21].

Овец и коз в частном хозяйстве нередко намного больше, чем коров или лошадей (хотя в настоящее время число овец значительно сократилось), поэтому они не получают индивидуальных кличек. Если кличка дается, то она относится ко всей группе животных сразу и в ка-

честве подзыва употребляется в основном для загона овец после выпаса. Распространенной кличкой овец и коз является *Маня*, с чем, вероятно, связан подзыв *мани-мани-мани*.

Подзвывы для свиней. Для подзыва свиней применяется слово *тюри-тюри-тюри* или *нюри-нюри-нюри*, для отгона – *усь*. Однако в материалах А. А. Саватковой приводятся подзвывы: *тук-тук-тук*, *чук-чук-чук*, *тушка*, *чунка*, *“ста-“ста-“ста* [19, 286]. Слово *сасна* ‘свинья’ происходит от чувашского *сысна* ‘то же’ [22]. Среди возможных параллелей для подзвывов отметим чувашские слова: для клича *нюрä-нюрä*, для отгона *хоç||оç* [21].

От подзвывов произведены детские названия *нюри* и (более редкое) *тюри* ‘свинка, поросенок’ (при обычном *сасна* ‘свинья’), а также слово *нюрик* ‘поросенок’, в переносном смысле относящееся к испачкавшемуся чем-либо ребенку. При этом выражение *ньырик-ньырик* передает хрюканье свиньи: *Сасна ньырик-ньырик манеш* ‘Свинья «хрю-хрю» говорит’; у А. А. Саватковой зафиксировано как подражание визгу поросят [19, 286; 20, 176].

Подзвывы для кошек и собак. В качестве подзвывных слов для кошек распространены *кc-кc-кc||кис-кис-кис||кёйс-кёйс-кёйс* (для клича) и *прис* (для отгона). От подзыва образовано детское название *кисä||кёйсä||кёйси* ‘киса’ (вместо обычного *коти* ‘кошка’). Раньше у котов и кошек вообще не было индивидуальных кличек, в настоящее время в основном используются такие же клички, как и в русском языке: *Машиа*, *Мурка*, *Муся*, *Бася*, *Васька* и т. п.

Специальных подзвывных слов для собак зафиксировано не было. Подманивание происходит посредством слова *nä* ‘на, возьми’ (А. А. Саваткова считает его словом клича собак [19, 286]). Собакам дают индивидуальные клички, которые могут быть русскими (Лайка, Шарик, Бобик, Барбос; ср. также Босик < рус. босс < англ. boss) и оригинальными (ср. *Ошлан* < *ош лапа* ‘белая лапа’).

Подзвывы для домашних птиц. Для каждого вида домашних птиц существуют особые слова. Гусей зовут *тига-тига-*

тига; подобные слова есть в русском [10] и в других финно-угорских языках [13]. Уток подзывают *утя-утя-утя*||*ути-ути-ути*; по-видимому, связано с русским «утка» и подзывом уток «утя-утя». Подзывает кур *ци-ци-ци* сродни русскому подзыву кур и цыплят «цып-цып-цып», имеющему аналоги в европейских языках; возможно, первоначально образовано от подражания пisku цыплят (см. ниже). Иногда для сбора кур употребляется слово *кыт-кыт-кыт* – очевидное подражание их крику, ср. *кыт-кыдет* [19, 286], *кыдетläиш* ‘куда-тять’ [20, 113].

Слова *тига* ‘гусик’, *утя* ‘уточка’, *цици* ‘курочка’ функционируют в качестве детских названий (вместо обычных *комбы* ‘гусь’, *лыды* ‘утка’, *цйьвй* ‘кураца’).

Для подзыва птичьего молодняка (гусят, утят, цыплят) используется общее слово *типа-типа-типа*; по-видимому, происходит от подражания пisku птенцов, ср. *тиак-тиак* – подражание пisku цыплят [19, 286]. В отношении цыплят иногда применяется подзывает *кылы-кылы-кылы* (ср. также *кыль-кыль-кыль* [19, 286]), представляющий собой подражание квохтанью курицы-наседки, ср. *кылыклаиш* ‘квохтать’, *кылык цйьвй* ‘кураца-наседка’ [20, 115]. Кроме того, одно слово *кйиш*||*кии* звучит для отгона любых домашних птиц. Подобные слова распространены во многих языках – русском, финно-угорских, тюркских и др. [8; 13; 21]. В связи с этим не до конца обоснованным выглядит объяснение чувашского *кйиш*||*кии*||*кии* (тоже при отгоне птиц) исключительно на тюркском материале, а именно возведение его к общетюркскому названию птицы [21].

На примере слов призыва домашних птиц продемонстрируем аномальные фонетические особенности подзывов. В подзывает для кур *ци-ци-ци* звук «ц» может быть как твердым, так и мягким, хотя мягкий «ц» отсутствует в основном фонетическом инвентаре горномарийского языка. Данная группа слов характеризуется повторами с растягиванием гласных в первом элементе; при значительном числе повторов могут происходить изменения в фонетической структуре, например выпадение

безударного гласного или переразложение в структуре слогов, ср. *ууутя-утя-утя* – *уть-уть-уть* – *тю-тю-тю*, *типа-типа-типа* – *тип-тип-тип*. Ряд подзывов нарушает установленные для горномарийского языка правила гармонии гласных.

Детские слова в горномарийском языке

Детские слова подразделяются на несколько функциональных групп, которые соотносятся с коммуникативными потребностями, имеющимися у ребенка на ранних стадиях развития коммуникации. На доречевой стадии он взаимодействует с окружающими при помощи движений и звуков, направленных на установление контакта или сигнализирующих о его физическом или эмоциональном состоянии [15]. Подобная коммуникативная потребность находит выражение в группе детских междометий, которые в речи взрослых, обращенной к ребенку, могут транслировать неодобрение, предостережение или запрет, а также побуждение к чему-либо. В речи ребенка те же слова сообщают о его желании или отношении к чему-либо.

В период перехода от лепета к речи коммуникативные потребности ребенка оформляются в виде голофраз (греч. *hólos* ‘весь, целый’; *phrásis* ‘выражение’) – звуковых комплексов, часто подражательных, используемых для обозначения целой ситуации [15]. В связи с этим выделяется группа детских слов – наименований ситуаций. Эти же слова часто применяются для выражения побуждения, желания и отношения к соответствующей ситуации, поэтому они сближаются с детскими междометиями.

По мере развития ребенок накапливает опыт и знания об окружающей действительности, что влечет за собой потребность давать имена предметам. Названия предметов, людей и животных составляют третью группу детских слов.

Детские междометия. Междометиями называют особые слова, служащие сигналами эмоциональных реакций (рус. *ах, ой*) и волеизъявлений (рус. *эй, ау, тсс*) чело-

века. Сообразно с этим выделяют группы эмоциональных и волеизъявительных. Сфера эмоций и сфера волеизъявительных в детских междометиях тесно сопрягаются.

К детским междометиям относятся слова-предостережения, которыми ребенка предупреждают о различных опасностях: испачкаться, обжечься, упасть и т. п. В разных языках существуют предостережения как общего характера (от опасности вообще), так и специальные, связанные с конкретными ситуациями. В горномарийском языке в качестве общего предостережения употребляется междометие *ой||ой-ой||ой-уй*, сопровождающее оповещение о любой опасности или запрет на какое-либо действие, ср.: *Ой-ой, шокшы!* ‘А-я-яй, горячо!’; *Ой-уй, үиты!* ‘А-я-яй, холодное!’; *Ой-ой, ни докы ит ми!* ‘А-я-яй, к собаке не подходи!’; *Ой-ой, котим ит тькял!* ‘А-я-яй, кошку не трогай!’. Слово *ой||ой-ой* используется также как обычное («взрослое») эмоциональное междометие, выражающее удивление, негодование, сожаление, усталость, испуг [19, 284–285].

Предостерегает ребенка от опасности горячего специальное слово *пёж*: *Пёж, тишты шокшы!* ‘Осторожно, здесь горячо!’; ср. также *Ой-ой, тишты пёж!* ‘А-я-яй, здесь горячо!’. В качестве прилагательного со значением «горячий» оно не функционирует (ср. *шокшы чай* ‘горячий чай’, но нельзя **пёж чай*) и не может быть интенсификатором прилагательного (значение «очень горячий» не передается сочетанием **пёж шокшы*). Данное слово употребляется в сочетании со вспомогательными глаголами *ёштыш* ‘делать’ и (реже) *лыш* ‘стать, становиться’: *пёж ёштыш* ‘обжечь’ (*Шокшы чай пёж ёшты!* ‘Горячий чай обожжет!’), *пёж лыш* ‘обжечься’. Это сближает слово *пёж* с группой детских слов, обозначающих ситуации (см. далее).

Нами зафиксировано междометие *ай*, связанное с реакцией на холод: словосочетание *ай үиты* понимается как эмоциональная реакция (‘Ой, холодно!’) или как оценка (ср. *Вёд ай үиты* ‘Вода

очень холодная’). Во втором случае *ай* может рассматриваться как интенсификатор слова *үйты* ‘холодный’. Кроме того, слово *ай* звучит для предостережения ребенка от опасности холодного. В словаре [20] *ай||ай-ай* не приводится даже в качестве эмоционального междометия, хотя в [19, 284–285] отмечено как выражающее укоризну или негодование.

Еще один тип детских междометий – слова-призывы, сообщающие о намерении, желании или необходимости сделать что-либо. Наиболее распространены в языках призывы ко сну типа рус. *баю-бай*. Такие слова часто служат припевами колыбельных песен или просто пропеваются при укачивании ребенка, ср.: *Ä-ä-ä, ä-ä-ä / Изу Машиа пәпәлтә, / Кого Машиа мадаш кен* ‘Баю, баю, баю, бай, / Маленькая Маша спит, / Большая Маша играть пошла’. Здесь *ä-ä-ä* представляет собой пропевание гласного. При этом оно входит в язык в качестве междометия – призыва ко сну (*Ä-ä-ä, эргём!* ‘Спи, сынок’), а в сочетании со вспомогательным глаголом получает падежное оформление: *ä-ä-ä-м* (АСС) *ёштыш* ‘спать’ (*Айда ä-ä-äm ёштыш!* ‘Давай спать будем!’).

Обозначения ситуаций. Это специфические образные слова, которыми в разговоре взрослых с детьми обозначаются различные действия и ситуации. В языке детей одни и те же звуковые комплексы часто именуют ситуацию и выражают отношение к ней, в том числе в плане желательности, намерения, побуждения или необходимости. Поэтому детские слова данной группы в речи взрослых, обращенной к ребенку, могут не только называть ситуации, но и передавать призыв к действию: *ням-ням* обозначает ситуацию ‘кушать’ и одновременно выражает призыв покушать (*Олма-м* (АСС) *ням-ням!* ‘Яблоко покушай!’); *тяп-тяп||тяпа-тяпа||тяп-тяпи||тыпи-тыпи* – ситуацию ‘идти своими ножками’ и призыв идти самостоятельно (*Айда тяп-тяп!* ‘Давай иди ножками!’); *лывы-лывы* – ситуацию ‘мыться’ и призыв мыться и т. п. Подобные слова нередко употребляются в сочетании с глаголом *ёштыш* ‘делать’: *ням-ням ёштыш*

‘кушать’ (ср. также глагол *нямаш* детск. ‘кушать’), *льывы-льывы ёштэйш* ‘мыться, мыть’ – и, таким образом, сближаются с междометиями-призывами.

Другие слова этой группы близки к предостережениям. Например, слово *ам|ам-ам* выражает образ кусания и служит предупреждением об опасности укуса: *Пи ам ёштэй!* ‘Собака укусит!’ (букв. ‘Собака ам сделает!’), *Ам-ам, пи доки ит ке!* ‘А-я-яй, к собаке не подходи!’. Заметим, что в удмуртском и мокшанском языках слово *ам* может означать ситуации ‘кусать’ (о животных) и ‘откусывать’, тогда как в горномарийском ситуации ‘откусывать’ соответствует выражение *ань ёштэйш* (*олмам ань ёштэйш* ‘откусить от яблока’), где слово *ань* передает образ смыкания челюстей.

Слово *ёф* передает образ дуновения (*ёф ёштэйш* ‘дуть’). С его помощью учат ребенка дуть на больное место, а также предупреждают о горячей пище, говоря *Бёф, ёф!* ‘Дуй, дуй!’. Словом *тьоть-тьоть* ‘а-та-та’ предостерегают ребенка о возможном наказании: *тьоть-тьоть ёштэйш* ‘дать по попе, шлепнуть’. Слово *тюка* транслирует образ падения и употребляется с глаголом *ляйш* ‘стать, становиться’; им дают понять об опасности упасть или уронить что-либо: *Тюка ляйт!* ‘Упадешь!’, *Кружка тюка лиеш, ит тёкэл!* ‘Кружка упадет, не трогай!’.

Некоторые из детских слов, обозначающих ситуации, в предложении употребляются в сочетании с полнозначным глаголом: *тяп-тяп ашкedayш* ‘ножками шагать’, *цүя-цүя шалгаиш* ‘стоять нетвердо’, *цүя-цүя кейш* ‘идти нетвердыми шагами’ (о ребенке, делающем первые шаги): *Цүя-цүя изи Веря кейш цаца папи докы* ‘Нетвердыми шагами маленькая Вера старается идти к бабушке’), *түтүт кейш* ‘ехать на машине’; ср. *Пи ам-ам пырылеш* ‘Собака ам-ам укусит!’. Возможность употребления данных слов со вспомогательными или полнозначными глаголами сближает их с идеофонами – особой категорией образных (изобразительных) слов, также относящейся к языковой периферии [11].

В рассматриваемую группу входят также слова, служащие сигналами физического состояния ребенка, ср., например, обозначение боли: *пепе* ‘бо-бо, больно’, *пепе ляйш* ‘болеть, заболеть’; *Парняэм пепе* ‘Палец больно’, *Вуем пепе лин* ‘Голова заболела’. Некоторые из них морфологически оформлены как глаголы (*пәпәш* ‘спать’), другие близки к существительным, ср. *пәпи||пәпә* ‘сон’: *Пәпи уке?* ‘Спать не хочешь?’ (букв. ‘Сна нет?’), *Изи Ванюш-ын* (GEN) *пәпи-жөй* (POSS3SG) *уке* ‘Маленький Ванюша не хочет спать’ (букв. ‘У маленького Ванюши сна нет’). Ср. еще: *Ой-ой, нюню-эт* (POSS2SG) *кечә!* ‘А-я-яй, сопельки висят!’; *Каки шон?* ‘Какать хочется?’; *Цёсә уке?* ‘Писать не хочешь?’ (*цёсәләйш, цёсәш* детск. ‘мочиться’). Как существительное оформлено и слово *попо* ‘поцелуй’ (*Попожы* (POSS3SG) *тьотьо* ‘Поцелуй сладкий’), но оно обычно используется в связке с глаголом для обозначения ситуации: *попо-м* (ACC) *пуаш* ‘целовать’ (букв. ‘поцелуй давать’), *Попо-эт-ём* (POSS2SG-ACC) *пу!* ‘Поцелуй (меня)!’.

К этой группе примыкают обозначения качеств, относящиеся обычно к крайним точкам полярных понятий, таких как ‘красивый’ – ‘гадкий’, ‘вкусный’ – ‘противный’, ‘хороший’ – ‘негодный’ и т. п. В горномарийском языке это детские слова *цәцә* ‘красивый’ (*цәцә поханя* ‘красивая кукла’) при нейтральном («взрослом») *цәвәр* ‘красивый’; *тьотьо* ‘вкусный, сладкий’ (*тьотьо кампеткә* ‘вкусная конфета’, *тьотьо олма* ‘сладкое яблоко’) при нейтральном *тотлы* ‘вкусный’; *кака* ‘бьяка, гадость, гадкий’ (*Ти коти кака!* ‘Эта кошка гадкая!’, *кака коти* ‘гадкая, грязная кошка’, *Какам ит тёкэл!* ‘Бяку не трогай!’).

Названия предметов, людей и животных. Особое место здесь занимают термины родства, используемые детьми при обращении или назывании. Специфика их возникновения, развития и употребления в разных языках была рассмотрена Р. Якобсоном [25]. Нейтральные термины родства часто вытесняются детскими словами [25]. В горномарийском язы-

ке слова *тьотя* ‘дедушка’, *папа* ‘бабушка’ в настоящее время употребляются как нейтральные термины родства, хотя по происхождению являются детскими, что видно из сопоставления с материалом лугового наречия: нейтр. *коча* ‘дедушка’ – детск. *чочо* ‘то же’, нейтр. *кова* ‘бабушка’ – детск. *вово* ‘то же’ [16, 102]. Луговомарийские детские формы представляют собой повтор слога аналогично горномарийским *тьотя*, *папа*. Вопрос о детских терминах родства выступает темой для отдельного исследования и не входит в наши задачи.

К числу названий лиц, построенных по типу детских слов, следует отнести ласковые названия маленьких детей: *тютюра*, *тютюка* (*Изи тютюкаэм, тол тишкы!* ‘Малышка, иди сюда!’). *Тетя* используется в качестве нейтрального слова для обозначения понятия ‘ребенок, дитя’.

Кроме того, в рассматриваемую группу входят ласкательные названия различных предметов окружающей ребенка действительности:

– частей тела: *кызä* ‘рученька’, *кызäm лывы-лывы ёштäи* ‘вымыть ручки’ (при обычном *кид* ‘рука’); *тяпа||тяпи* ‘ноженька’ (*ял* ‘нога’); *кути* ‘попка’, *Кутиэшт тьоть-тьоть пуэм!* ‘По попке дам!’ (*кутан* ‘попа’);

– пищи: *ньаньä* ‘хлебушек’ (*сыкыр* ‘хлеб’), *коко* ‘картошечка’ (*роколма* ‘картофель’), *тьотьо* ‘вкусненькое, лакомство; конфетка’, *тьотьом качкаиш* ‘съесть конфетку’ (ср. выше *тьотьо* в значении ‘вкусный’);

– питья: *мämä* ‘вода, питье’, *тпрүä* ‘питье’ (ср. луговомарийск. *тпрäү* ‘молоко’ [16, 103]), зафиксированные лишь у двух носителей и не подтвержденные другими носителями.

Ср. названия предметов: *тяпя||тяпти* ‘обувь’, *цäцä* ‘игрушка, кукла’ (ср. выше *цäцä* в значении ‘красивый’). Примечательны также наименования страшилищ, которыми пугают детей; в горномарийском языке это *мömö* ‘бука, бабай’: *Мömö толеш да нангей!* ‘Бабай придет и забереет!’.

Особый интерес для нас представляют детские названия животных, поскольку они часто происходят от подзывных слов (подобные примеры приведены выше). Таким образом, обнаруживается тесная связь между двумя периферийными лексическими группами, составляющими объект исследования данной работы.

Другим источником детских названий животных являются подражания их звукам (заметим здесь, что многие подзывы в свою очередь связаны со звукоподражаниями). Например, подражание блянию овец звучит как *мä||мäk*, ср.: *Шарык мä манеш* ‘Овца «бе» говорит’, *Шарыквлä мäk-мäk лавыжыт* ‘Овцы «бе-бе» блеют’, *Шарык мäkлä* ‘Овца блеет (бекает)’; отсюда название *мäk* ‘овечка’: *Кудывичйиш мäkкым пырток!* ‘Во двор овечек загоника!’.

Такие названия, как *ио* ‘лошадка’ (при обычном *имни* ‘лошадь’), *мүкä||мökä* ‘корова’ (*бшкал* ‘корова’), тоже образованы от звукоподражаний, ср.: *Имни и-о-о манеш* ‘Лошадь «и-го-го» говорит’, *Бшкал мүгбйрä* ‘Корова мычит’ (о громком мычании испуганного животного), *Бшкал му манеш* ‘Корова «му» говорит’; *мökä* также соотносится с *мök* – образным словом, выражающим бодание коровы: *Бшкал мökк ёштä!* ‘Корова как боднет!’.

Собаку в разговоре с детьми называют *ам-ам*, ср.: *Ам-ам-ым* (АСС) *ит тйкäl, пырылеш!* ‘Собаку не трогай, укусит!’. Это может быть вызвано, с одной стороны, изображением кусания (см. выше), с другой – подражанием лаю собаки, которое в горномарийском языке также выглядит как *ам-ам||хам-хам* [19, 286].

Звукоподражательные названия характерны и для некоторых домашних птиц, ср.: *гага||гагага* ‘гусик’ (при обычном *комбы* ‘гусь’), *кококо* ‘петушок’ (*äнтän* ‘петух’).

Заключение

Следуя положениям В. М. Живова и Б. А. Успенского [11], на приведенном материале можно убедиться, что подзывы и детские слова являются периферийны-

ми лексическими группами. Во-первых, они используются в особых речевых ситуациях: адресатом подзывов выступают животные, а сфера употребления детских слов обычно ограничена разговором с детьми. Во-вторых, при составлении лингвистических описаний они расцениваются как элементы «другой», параллельной системы, на которую могут не распространяться основные сформулированные закономерности. Иными словами, обе группы оказываются частью «внесистемной» периферии языка. В-третьих, подзывы и детские слова выполняют в процессе коммуникации особые функции, обусловленные специальной ориентацией как на говорящего (экспрессивная функция), так и на слушающего (апеллятивная функция).

На примерах из горномарийского и ранее удмуртского и мокшанского языков [13] мы продемонстрировали связь подзывов с детскими словами – названиями животных. Очевидна также их связь со звукоподражаниями, прежде всего с подражаниями звукам животных. По функции подзывы и некоторые детские слова сближаются с междометиями, а отдельные детские слова – также с идеофонами. На этом основании можно предположить, что «другой» системой, включающей в себя данные лексические группы, служит звукоизобразительная система языка, «ядро» которой образуют наиболее периферийные и аномальные языковые элементы [4]. Несомненными составляющими изобразительной лексики признаны такие периферийные группы, как звукоподражания, идеофоны и междометия. Детские слова «отпечаточного» типа внесли в число явлений звукоизобразительности Н. И. Ашмарин [2, 143; 3, 97–99], А. М. Газов-Гинзберг [6, 3]. Подзывы, как правило, не выделяются в особый разряд, но рассматриваются вместе с междометиями и таким образом автоматически относятся к изобразительной лексике.

С. В. Воронин характеризует изобразительную систему как периферийно-центральною [4, 164], указывая на глу-

бую связь с центром языка. Это проявляется в том числе в переходе некоторых подзывов и звукоподражаний в бытовые, ласкательные названия животных, которые, хотя и остаются в первую очередь детскими, укореняются в языке и приобретают свойства существительных. Детские слова, одновременно называющие ситуацию и выражающие отношение к ней, изначально лежат вне частеречной классификации. Однако с течением времени они осваиваются языком и начинают тяготеть к разным частям речи – междометиям, идеофонам (которые можно понимать как регулярно оформленный класс звукоизобразительных образований [11]), существительным, прилагательным, постепенно обнаруживая все больше свойственных им морфологических, синтаксических и семантических признаков. Часто детские слова оказываются вовлечены в аффиксальное словообразование.

Таким образом, относительно места подзывов и детских слов в системе языка можно сделать следующие выводы.

1. Подзывы и детские слова принадлежат периферии языка и речи.

2. Подзывы и детские слова демонстрируют явные связи с несомненными составляющими изобразительной системы языка, поэтому их справедливо отнести к изобразительной лексике.

3. Аномальность подзывов и детских слов по отношению к центральным элементам языка не позволяет включать их в общее описание без учета их периферийного положения.

4. Соглашаться с А. М. Пешковским, выведившим подзывы за рамки языка «...как системы социальных знаков человеческого общежития» [17, 168], нет оснований, поскольку у слов данной группы имеются внутриязыковые связи как с прочими периферийными, так и с центральными элементами языка.

5. При изучении подзывов в финно-угорских языках обнаруживаются параллели не только с близкородственными, но и с генетически далекими языками – русским, чувашским [13; 21] и др., поэтому в

исследованиях важно принять во внимание ареальный аспект.

6. Подзвымы и детские слова являются полноправными элементами лексического фонда языка и должны систематически учитываться в описаниях; в противном случае некоторые лингвистические феномены окажутся без удовлетворительного объяснения.

7. Горномарийский язык в аспекте функционирования подзвымов и детских слов демонстрирует сходство с другими финно-угорскими языками [12; 13].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия языков:

англ. – английский;
греч. – греческий;
рус. – русский;
удм. – удмуртский;
чув. – чувашский.

Грамматические показатели:

2, 3 – второе, третье лицо;
ACC – аккузатив (винительный падеж);
GEN – генитив (родительный падеж);
ILL – иллатив (направительный падеж);
NOM – номинатив (именительный падеж);
PL – множественное число;
POSS – посессив (притяжательный суффикс);
SG – единственное число.

Поступила 09.12.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Azarkh, Yu. S.* Подзвымные слова для коров и лошадей в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. – Москва, 1977. – С. 226–247.
1. *Azarkh, Yu. S.* (1977), Calling words for cows and horses in Russian dialects, Dialect study in the Russian language, Moscow, p. 226–247.
2. *Ashmarin, N. I.* Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азербайджанского университета. Общественные науки. – 1925. – Т. 2/3. – С. 143–157.
2. *Ashmarin, N. I.* (1925), Imitation in the languages of the Middle Volga region, News of Azerbaijan University. Social Sciences, Vol. 2/3, p. 143–157.
3. *Ashmarin, N. I.* Подражание в языках Среднего Поволжья... – Т. 4/5. – С. 75–99.
3. *Ashmarin, N. I.* (1925), Imitation in the languages of the Middle Volga region, News of Azerbaijan University. Social Sciences, Vol. 4/5, p. 75–99.
4. *Voronin, S. V.* Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1982. – 244 с.
4. *Voronin, S. V.* (1982), Fundamentals of phonosemantics, Leningrad: Leningrad University Press.
5. *Вундт, В.* Психология народов / В. Вундт. – Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2002. – 861 с.
5. *Wundt, V.* (2002), Psychology of Peoples, Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Terra Fantastica.
6. *Газов-Гинзберг, А. М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? : (Свидетельство прасемитского запаса корней) / А. М. Газов-Гинзберг. – Москва : Наука, 1965. – 183 с.
6. *Gasov-Ginsberg, A. M.* (1965), Was the language a portrayer in its origins? (Proof of pros-Semitic root stock), Moscow: Science.
7. *Германович, А. И.* Междометия русского языка : пособие для учителя / А. И. Германович. – Киев : Радянська школа, 1966. – 171 с.
7. *Germanovich, A. I.* (1966), Interjections of the Russian Language: A Handbook for Teachers, Kiev: Radyans'ka School.
8. *Германович, А. И.* Слова клича и отгона животных в русском языке // Известия Крымского педагогического института. – 1954. – Т. 19. – С. 207–328.
8. *Germanovich, A. I.* (1954), Words of calling and taking the animals away in the Russian language, Proceedings of the Crimean Pedagogical Institute, Vol. 19, p. 207–328.
9. *Гордеев, Ф. И.* Слова детской речи как предмет историко-этимологических разысканий // Вопросы марийского языка. – 1982. – Вып. 53. – С. 81–96.
9. *Gordeev, F. I.* (1982), Words of children's speech as an object of historical and etymological Researches, Issues of the Mari language, Vol. 53, p. 81–96.
10. *Жбанкова, Т. С.* Подзвымные и подобные им слова в рязанских говорах // Вопросы грамматики и лексики современного русского языка : ученые записки РГПИ. – 1959. – Т. 25. – С. 415–418.
10. *Zhbankova, T. S.* (1959), Calling words and similar words in Ryazan dialects, Problems of grammar and vocabulary of modern Russian language, RSPi researchers note, Vol. 25, p. 415–418.
11. *Живов, В. М.* Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий / В. М. Жи-
11. *Zhivov, V. M., Uspensky, B. A.* (1973), Center and periphery in the language in the light of linguistic universals, Questions of linguistics, № 5, p. 24–35.

- вов, Б. А. Успенский // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 24–35.
12. *Иванов, В. А.* Детские слова и их место в языке (на материале финно-угорских языков) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XV Всерос. науч. конф. – Уфа, 2015. – С. 97–99.
 13. *Иванов, В. А.* Подзывные слова в финно-угорских и русских диалектах и их связь с названиями животных // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XIV Всерос. науч. конф. – Уфа, 2014. – С. 47–52.
 14. *Кандакова, Е. Н.* Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа : на примере ярославских говоров : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Кандакова. – Ярославль, 2003. – 193 с.
 15. *Лепская, Н. И.* Язык ребенка : Онтогенез речевой коммуникации / Н. И. Лепская. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – 151 с.
 16. *Петухова, А. Н.* Марийский детский фольклор : дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2002. – 177 с.
 17. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
 18. *Реформатский, А. А.* Неканоническая фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. – Москва : Наука, 1966. – С. 96–109.
 19. *Саваткова, А. А.* Горное наречие марийского языка / А. А. Саваткова. – Savariae : Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. – 292 p. – (Bibliotheca Ceremissica; T. 5).
 20. *Саваткова, А. А.* Словарь горномарийского языка / А. А. Саваткова. – Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 2008. – 404 с.
 21. *Сергеев, Л. П.* Об одной группе императивных междометий // Ученые записки / НИИ при Совете министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1970. – Вып. 49. – С. 165–176.
 22. *Федотов, М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
 23. *Цыпанов, Е. А.* Клички собак в коми языке // Вопросы ономастики. – 2010. – № 1 (8). – С. 94–100.
 24. *Шляхова, С. С.* Дребезги языка. Словарь русских фоносемантических аномалий / С. С. Шляхова. – Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2004. – 225 с.
 25. *Jakobson, R.* Why «mama» and «papa»? // Jacobson R. Selected writings. – The Hague : Mouton, 1962. – Vol. 1. – P. 538–545.
 26. *Sapir, E.* Nootka baby words // International Journal of American Linguistics. – 1929. – Vol. 5, № 1. – P. 118–119.
 12. *Ivanov, V. A.* (2015), Children's speech and its place in the language (on the material of the Finno-Ugric languages), Actual problems of Russian dialectology of the language, Proceedings of XV All-Russia Conference, Ufa, p. 97–99.
 13. *Ivanov, V. A.* (2014), Calling words in the Finno-Ugric and Russian dialects and their relation to the names of animals, Actual problems of dialectology languages of peoples of Russia, Proceedings of XIV All-Russia Conference, Ufa, p. 47–52.
 14. *Kandakova, E. N.* (2003), Calling words as a special functional-grammatical group: the example of Yaroslavl dialect, Thesis for Candidate Sc. {Philology}, Yaroslavl.
 15. *Lepskaya, N. I.* (1997), Child's Language: The ontogeny of speech communication, Moscow: Moscow State University Press.
 16. *Petukhova, A. N.* (2002), Mari children's folklore, Thesis for Candidate Sc. {Philology}, Yoshkar-Ola.
 17. *Peshkovsky, A. M.* (1956), Russian syntax in a scientific enlightenment, Moscow: Uchpedgiz.
 18. *Reformatsky, A. A.* (1966), Noncanonical phonetics, Development of phonetics of modern Russian language, Moscow: Nauka, p. 96–109.
 19. *Savatkova, A. A.* (2002), Hill legacy in the Mari language, Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola.
 20. *Savatkova, A. A.* (2008), Dictionary of the Western Mari language, Yoshkar-Ola: Mari Book Press.
 21. *Sergeev, L. P.* (1970), On a group of imperative interjections, Scientific notes, Research Institute at the Chuvash Autonomous Republic Council of Ministers, Vol. 49, p. 165–176.
 22. *Fedotov, M. R.* (1996), Etymological dictionary of Chuvash in 2 Vol., Cheboksary: Chuvash State Institute for Human Sciences.
 23. *Tsypanov, E. A.* (2010), Nicknames of dogs in the Komi language, Questions of Onomastics, № 1 (8), p. 94–100.
 24. *Shlyakhova, S. S.* (2004), Rattle of the language. Dictionary of Russian phonosemantic anomalies, Perm Perm State Pedagogical University.
 25. *Jakobson, R.* (1962), Why «mama» and «papa»? Selected writings, Vol. 1, The Hague: Mouton, p. 538–545.
 26. *Sapir, E.* (1929), Nootka baby words, International Journal of American Linguistics, Vol. 5, № 1, p. 118–119.